

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В.С. СОЛОВЬЕВА В ЭПОХУ “НОВОГО РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ”

© 2013 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются философско-правовые и социологические взгляды В.С. Соловьева, показывается их связь с общественным сознанием русского народа. Выдвигается и обосновывается тезис о зависимости политической жизни современной России от русской средневековой культуры.

Annotation: this article discusses the philosophical-legal and sociological views of V.S. Solov'ev, it's shown their relationship with the social consciousness of the Russian people. It's advanced and justified the thesis on political life of modern Russia from Russian medieval culture.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, философия права, социология права, русский консерватизм, русский либерализм, русская идея.

Key words: V.S. Solov'ev, philosophy of law, sociology of law, Russian conservatism, Russian liberalism, Russian idea.

Поворот к консерватизму и русские архетипы

В начале 20-х годов XX столетия философ-экзистенциалист Н.А. Бердяев пишет статью “Новое средневековье”, где говорилось о ритмической смене исторических эпох: органических и критических, ночных и дневных, сакральных и секулярных. Первая мировая война, революции в Европе и России, установление тоталитарных режимов – все это позволило Н.А. Бердяеву сделать вывод о наступлении “ночной эпохи”, “нового средневековья”, во время которого рационализм уступает место иррационализму, индивидуализм – коллективизму, а гуманизм, демократия и формальная свобода отвергаются во имя возврата к “вечным ценностям”, во имя “консервативной революции духа”. “Ночные эпохи”, делает вывод философ, весьма плодотворны, так как дают возможность народам вернуться к своим истокам и лучше понять вектор своего будущего развития².

Поворот современной российской политики в сторону консерватизма означает вполне естественное стремление вернуться к истокам русской истории и культуры. Но, поскольку основы аутентичной русской культуры были сформированы в

эпоху средневековья, то возврат к исконным национальным ценностям есть в известной мере уход в средневековье. Принципиально важным здесь является то, что современная Россия гораздо теснее связана со своим прошлым, чем иногда принято об этом думать. Как сказал бы швейцарский психолог К.Г. Юнг, русский народ и его правящий класс продолжают находиться во власти нескольких архетипов, сложившихся еще на начальных этапах отечественной истории. Нация, подчеркивал основатель учения о коллективном бессознательном, не в состоянии выйти за рамки своих архетипов, она может лишь стремиться с большим или меньшим успехом им противостоять без надежды на окончательную победу. Данное утверждение может вызвать глубокий пессимизм, однако русская история, во многих отношениях идущая по замкнутому кругу, заставляет так думать.

Советская власть, введенные ей нормы, принципы и ценности плохо или хорошо, но поддерживали духовный уровень человека на более или менее современном, цивилизованном уровне развития. “Человек советский” представлял собой, конечно, особый, очень своеобразный антропологический тип, требующий своего изучения. Это была смесь русской патриархальности (патерналистское восприятие власти, аполитичность, антииндивидуализм) и марксистских идеологических клише, вбитых в головы миллионов обывателей с помощью мощной машины подавления. Казалось, что русское население (народы Прибалтики, Западной Украины, Закавказья, Кавказа

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук (E-mail: rifagor2002@mail.ru).

² См.: Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 407, 410.

и Средней Азии – особый вопрос, выводимый здесь за скобки) вполне освободилось от архаики феодального быта, привычек и пристрастий. Казалось, что коммунистическому режиму удалось выковать из русского крестьянина (на момент 1917 г. – подавляющее большинство населения России) со своими дикими представлениями о жизни почти европейца. Во всяком случае широкие слои советской интеллигенции (имевшей, как правило, рабоче-крестьянские корни) давали основание так думать. Казалось, что большевики, втянув в политику миллионы необразованного, просто неграмотного населения, выстроив индустриальную и военную сверхдержаву, подчинив “красной империи” половину мира, создали и нового человека, который уже без принуждения способен быть современным и цивилизованным.

Падение советской власти и последовавшая за этим эпоха “русской смуты” показали, что это далеко не так. Советские стереотипы восприятия и поведения, довольно быстро уйдя в прошлое, уступили место русской архаике, тем глубинным архетипам, которые всегда составляли суть русского человека: аполитичность, общественная апатия, преклонение перед силой и презрение к праву, пренебрежение к индивидуальной свободе. Суть русской архаики, утверждали В.В. Розанов и Н.А. Бердяев, состоит в женственности русского народа, в его “вечно-бабьей” душе. «История образования русской государственности, величайшей в мире государственности, столь непостижимая в жизни безгосударственного русского народа, может быть понята из этой тайны. У русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности перед коллективом. Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет “сила”»³.

Разрушение стержня советской государственности в известном смысле вернуло русский народ к самому себе, к своей женственной природе. В таком размягченном состоянии он не смог противостоять олигархам и бандитизму, политическим проходимцам и продажным журналистам. Советский человек, снова став русским, смог устроить свою жизнь только так, как диктовали ему национальные архетипы, сформированные в эпоху средневековья. Возродившаяся русская архаика установила новый феодальный порядок (надо понимать всю условность данного термина) с сословным строем, неравным правом, местничеством и системой кормлений, тотальной

коррупцией и воровством, произволом власти и беззащитностью личности. Глубокий регресс русского сознания отбросил Россию на 100–150 лет назад. Сейчас перед Россией стоят все те же задачи, что и в пореформенную эпоху: сделать страну индустриально развитой и цивилизованной, создать условия для правового государства и правовой защищенности личности.

Современный российский феодализм есть не что иное, как проекция русского национального сознания, способ организации жизни русского народа (видимо, единственно возможный на сегодняшний день). Власть, поняв и оценив данный факт нашей жизни, совершила поворот политики в сторону консерватизма, что выглядит вполне прагматично. Новое Российское государство, на практике осознав почти нулевую эффективность (а подчас – разрушительность) западных демократических институтов, отчасти инстинктивно, отчасти сознательно избрало методы руководства страной, вполне адекватные исконно русскому национальному сознанию, средневековому по своей сути.

Консерватизм и национализм – естественная основа любого нормального государства. Без опоры на традиции и национальную культуру государство не может существовать. Данный тезис в полной мере относится и к России, проблема которой во многом состоит в том, что консервативные ценности были дважды отвергнуты в недавней русской истории (в 1917 г. – большевиками, в 1990-е годы – либералами). Однако, как уже было сказано выше, ядро русского национального характера оказалось неразложимым, русская среда растворила и диктатуру коммунистической партии, и рыхлую власть либералов. В остатке – русская стихия, которая всякий раз и раньше проявляла себя в условиях ослабления власти.

Евразиец Н.Н. Алексеев очень точно определил политические идеалы (это те же архетипы) русского народа, проявившиеся в смуте революции и гражданской войны: 1) идея православной правовой монархии; 2) идея диктатуры; 3) идея казацкой вольницы; 4) идея сектантского понимания государства⁴. Представляется, что это – действительные, подлинные константы всей русской истории, определяющие ее ход и в настоящее время. Применительно к текущей политической ситуации в России (последние 20 лет) эти константы можно сформулировать так: 1) идея сильного авторитарного централизованного

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 39.

⁴ См.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 83.

государства; 2) идея справедливой, честной и патерналистской власти; 3) идея великой империи; 4) идея православного правового государства; 5) идея казацкой вольности. Это – базовые архетипы русского национального сознания, где запрос на диктатуру противоречивым образом сочетается со стремлением к анархии и вседозволенности, принципы верховенства права и разделения властей подчинены православным ценностям, а идея правовой защищенности личности занимает весьма скромное, второстепенное место.

В.С. Соловьёв – выразитель русских архетипов

В условиях поворота современной российской политики в сторону консерватизма труды многих наших мыслителей XIX – начала XX вв. вновь становятся актуальными, поскольку отражают архетипы русского национального сознания. К числу таких авторов, несомненно, относится В.С. Соловьёв, творчество которого требует рассмотрения с позиции сегодняшнего дня⁵.

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) – выдающийся религиозный философ, поэт, публицист, литературный критик. Его отец – знаменитый русский историк, профессор Московского университета С.М. Соловьёв. В роду по линии отца было много священнослужителей. Мать Соловьёва, женщина очень набожная, происходила из украинско-польского рода и имела своим предком видного мыслителя XVIII в. Григория Сковороду. Закончив гимназию с золотой медалью (1869), Соловьёв поступил на естественный факультет Московского университета, затем перешёл на историко-филологический. После окончания университета в 1873 г. он в течение года учился в Московской духовной академии. Ещё в гимназии став атеистом и материалистом (сказались веяния времени), в студенческие годы Соловьёв вновь обретает религиозное мировоззрение. В 1874 г. Соловьёв защитил магистерскую диссертацию “Кризис западной философии (против позитивистов)” и в декабре того же года был

избран доцентом Московского университета. Но вскоре из-за разногласий в профессорской среде Соловьёв покинул университет (1877), перевёлся в Петербург и стал членом Учёного комитета при Министерстве народного просвещения. Одновременно он преподавал в Петербургском университете и на Высших женских курсах. В апреле 1880 г. Соловьёв защитил докторскую диссертацию “Критика отвлеченных начал”. В марте 1881 г. в публичной лекции он призвал Александра III проявить христианское всепрощение и помиловать цареубийц, за что был временно лишён права читать лекции. Уйдя из университета (в основном вследствие утраты интереса к преподавательской деятельности), Соловьёв начинает интенсивно разрабатывать проблемы церковно-религиозной жизни, продолжает заниматься теоретической философией. Заметной была его деятельность как публициста, привлекавшего внимание общества к проблемам войны и международных отношений (в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг.), национальному вопросу, голоду в России (1891 г.).

Соловьёв был человеком “не от мира сего”, он вёл полумонашеский, полустраннический образ жизни. Семьи у него не было, жил он в основном либо в имениях своих друзей, либо за границей. Для него характерен мистический склад души, сказавшийся, между прочим, в частых зрительных и слуховых галлюцинациях (ему были видения ангелов, чудились черти). Так, находясь в Лондоне летом 1875 г., он услышал голос “Софии Премудрости Божией” (“душа мира”) и счёл необходимым отправиться в Египет в Фиваидскую пустыню с целью “понять что-то для себя важное”. Соловьёв нередко оставался без средств к существованию, отдавая последние деньги, а иногда и верхнюю одежду любому нуждающемуся. По словам современников, при решении обычных житейских вопросов он часто проявлял наивность и терялся как ребёнок.

Соловьёв оставил большое количество религиозно-философских сочинений. Он одним из первых в России создал действительно профессиональные, системно выстроенные философские трактаты. Философско-правовая и социологическая проблематика занимает важное место в учении Соловьёва и содержится в таких трудах, как “Россия и Вселенская церковь”, “Оправдание добра”, “Русская идея”, сборник статей “Национальный вопрос в России”.

Истоки философских, политико-юридических и социологических воззрений Соловьёва лежат в западноевропейской философии и юриспру-

⁵ Относительно недавно в серии “Исследования по истории русской мысли” вышел в свет труд молодого ученого Е.А. Прибытковой (см.: *Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьёва*. М., 2011), где предпринята попытка современного осмысления творчества великого русского мыслителя. Работу отличают системность, комплексный подход, глубина анализа, стремление показать религиозные, философские, политические и юридические идеи В.С. Соловьёва на широком фоне русской и европейской мысли. Книга снабжена детальным научным аппаратом, что значительно повышает ее ценность.

денции, средневековой утопии “Москва – третий Рим” и идейном наследии славянофилов.

В молодости Соловьёв развивался под значительным влиянием славянофилов (с И.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самаринным он был знаком лично и очень ценил их дружбу). Находясь под воздействием идей А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, Соловьёв в своей магистерской диссертации критикует западную рационалистическую философию, а по сути, европейскую индивидуалистическую культуру. Именно у славянофилов Соловьёв берёт теоретическое обоснование мессианской роли России в мировой истории. Вместе с тем Соловьёв по многим вопросам существенно расходился со славянофилами. Даже в ранней молодости он не противопоставлял католичество и православие. Соловьёв никогда не был националистом. Перерастание отдельных славянофильских идей в русский национализм в лице “почвенников” М.Н. Каткова (публицист, философ и общественный деятель), Ф.М. Достоевского и других заставило его выступить с серией публицистических статей против славянофильства. Славянофильской идее о параллельном развитии государства и русского народа Соловьёв противопоставил тезис о важности государства для России. А резкая критика Соловьёвым русского православия в начале 80-х годов привела к окончательному разрыву отношений с И.С. Аксаковым и всем лагерем славянофилов. В итоге Соловьёв пришёл к выводу, что славянофилы всегда были внутренне чужды народному сознанию; они при внешнем идолопоклонстве перед народом испытывали к нему невольное презрение⁶.

Е.Н. Трубецкой, близкий друг и ученик Соловьёва, выделяет три периода в его творчестве. На протяжении первого периода (1873 – 1882) философ разрабатывал основы своей религиозной философии. Во второй период (1882 – 1894) Соловьёв был поглощён созданием теократической утопии (“Вселенской теократии”). Теократический идеал возник у него под влиянием либеральных преобразований Александра II. Реформы породили у Соловьёва надежду, что деятельность Российского государства может быть просвещённой и созидательной. Долгие годы философ считал теократический проект главным делом своей жизни. С целью осуществления своих теократических идей Соловьёв обращался к римскому папе Льву XIII (не исключено, что был принят им), пытаясь донести свои замыслы до императоров Александра II и Александра III. Но контрреформы

Александра III, глухота русского образованного общества к голоду 1891 г., преследования униатов породили сомнения в позитивных способностях Российского государства и мессианской роли русского народа. Третий период (1894 – 1900) характерен разочарованием Соловьёва в своём теократическом учении и продолжением работы над созданием системы христианской философии. Такая периодизация творчества Соловьёва достаточно условна.

Апокалипсическое понимание истории

Особенность политических и социологических воззрений Соловьёва состоит в том, что он не мыслит существование человека, общества, государства без церкви или вне церкви. Поэтому конкретные вопросы общественно-политического характера всегда приобретают у Соловьёва характер религиозно-церковный.

В основе христианской философии Соловьёва, многогранной и сложной, лежат два исходных компонента: теория всеединства и учение о богочеловечестве. Согласно его воззрениям Бог и сотворённый им мир представляют собой взаимопроникающее единое целое. Связующим звеном между Богом и миром служит София, мировая душа, которая вносит в тварный мир идею неразрывного единства бытия. Потенциально существующая связь Бога и мира реально обнаруживает себя в человеке. Только человек, человечество способны воплотить заложенную в мировом бытии норму всеединства и восстановить утраченную в результате грехопадения связь материальной природы и Бога. Богочеловечество, по Соловьёву, и есть человечество, вернувшееся к Богу; это своего рода совершенное человечество, преодолевшее мировое зло (людские пороки, войны, болезни, физическую смерть). Соответственно, цель мировой истории Соловьёв видит в появлении Богочеловечества, в достижении человечеством Царства Божия. История человечества рассматривается как движение человека к Богу. Центральным событием мировой истории, по мнению Соловьёва, стало пришествие в мир Богочеловека Иисуса Христа, своей жизнью и воскресением доказавшего возможность всеединения с Богом.

Концепция Богочеловечества максимально усиливала апокалипсический нерв учения Соловьёва об идеальном общественном устройстве, государстве и праве. Как верно отмечали славянофилы, принципиальным отличием православия от католичества и особенно протестантизма состояло в его повышенном эсхатологизме. Для

⁶ См.: Соловьёв В.С. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 438, 439.

православных грядущий конец света и Страшный суд были не номинальными понятиями, не мифом, а грозной реальностью, готовой в любую минуту состояться. Катастрофичность русского православного сознания, по логике славянофилов, всегда отодвигала вопросы политического быта на задний план. Для русских первостепенным делом становилась не организация комфорта в экономике, политике и быту, а спасение души. Соловьёв в этом смысле – действительно русский автор.

Концепция теократии: между русским консерватизмом и западничеством

Характерная черта русского сознания – его расщепленность между Европой и Россией, что вносит в него болезненный разлад. Находиться между аутентичной традицией и западным влиянием – своего рода судьба России. Еще славянофилы говорили про себя, что у них две родины: Россия и Европа. Для русского образованного человека вполне естественно видеть в европейской культуре важный источник своего духовного развития. Ничего подобного нельзя услышать, например, от англичанина, немца или француза, так как их отличает культурная гомогенность. На худой конец западный европеец готов признать свою духовную связь с Древним Римом и Древней Грецией, что принципиально дела не меняет, так как античность – фундамент западноевропейской цивилизации.

Конфликт между, условно говоря, почвенниками и западниками открыто вспыхивает уже во времена церковного раскола. Движение староверов есть не что иное, как реакция русской архаики на европейское влияние. Феномен старообрядчества констатировал факт появления сознательного русского консерватизма и национализма, тесно связанных с идеей великодержавия и презрением к инородной культуре⁷. В последующие века конфликт между почвенниками и западниками только усиливался, до тех пор, когда в 1917 г. большевики провозгласили полный разрыв с западной культурой, отгородившись от нее “железным занавесом”.

Соловьёв также был включен в этот спор, по-своему пытаясь найти компромисс. Его концепция теократии – пример соединения средневекового христианства, западноевропейского

индивидуализма и типично русских монархических и имперских настроений. Несмотря на всю свою фантастичность, данный идейный конгломерат – очень русский. Кстати, Конституция РФ 1993 г. – это, конечно, не утопия Соловьёва, но ее космическая удаленность от современной российской жизни также не вызывает сомнений. Наша Конституция, совмещающая в себе потенциальный цезаризм с системой демократических институтов и прав человека, – верный показатель болезненного разлома русского национального сознания.

Соловьёв предлагает начать процесс организации теократии с объединения католической и православной церквей с центром в Риме и передачи светской власти русскому царю. Соловьёв не даёт деталей такого объединения, но очевидно, что речь идёт о создании великой империи (наподобие Римской), в рамках которой европейские народы утрачивают свою государственность. Логика философа сводится к тому, что вражду христианских народов можно устранить, выведя их из подчинения национальных государств и включив в единую для всех вселенскую церковь. В этом случае народы сохраняют свои национальные особенности, обладают некоторой культурной и политической автономией, но в рамках всемирной христианской империи. По сути, Соловьёв предлагает Западу и России пойти на компромисс: страны Запада утрачивают свой суверенитет, передавая его отчасти римскому папе, отчасти русскому царю, а Россия отказывается от претензии быть религиозным центром христианского мира и признаёт свою подчинённость римскому папе. Переход русской православной церкви и Российского государства под власть римского папы вовлечёт, по Соловьёву, Россию в общеевропейскую жизнь, освободит церковь от опеки царской власти, приведёт к изживанию и Российским государством, и русской церковью агрессивного национализма. Реализацией данного проекта Соловьёв хотел ограничить деспотическую власть российского абсолютизма.

Выступая за объединение церквей, Соловьёв подчёркивает, что в 1054 г. их разделение произошло исключительно по политическим причинам, поэтому в настоящее время нет непреодолимых преград для слияния католичества и православия. Главный недостаток Восточной церкви, не дающий ей возможность в полной мере участвовать в деле создания теократии, состоит, как считает Соловьёв, в её подчинённости государству. Восточная церковь – это фикция; на самом деле существуют лишь отдельные церкви, ставшие атрибутом

⁷ См.: *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1997. С. 378 – 381; *Карташёв А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1–2. Т. 2. Париж, 1959. С. 175.

своих национальных государств. Восточная церковь – церковь дезертирующая, т.е. отказывающаяся от социальной и политической деятельности. В Восточном христианстве молитва и забота о личном благочестии считаются единственным религиозным делом. Все эти негативные черты Восточного христианства в концентрированном виде представлены, по Соловьёву, в русской православной церкви. Русское казённое православие, не имея ни церковной, ни религиозной свободы, давно уже стало национальной религией и не может претендовать на вселенскую роль.

В отличие от Восточного христианства католичество – церковь по преимуществу действующая, а не молящаяся. Западная церковь всегда думала не столько о внешнем благочестии, сколько о разумной и благоустроенной социальной жизни. Важнейшая черта католичества – независимость от национальных государств, она имеет подлинно интернациональный, вселенский характер. Поэтому только Рим следует считать центром христианства. Соловьёв призывает русскую православную церковь “признать нашу духовную солидарность с братьями на Западе”, осознать себя частью вселенской церкви и подчиниться римскому престолу⁸.

По Соловьёву, теократия – это социально-политический строй, который должен установиться на всей земле и с помощью которого человечество должно восстановить связь с Богом, т.е. стать Богочеловечеством. В этом смысле теократия – это “врата в Царство Божие”. Теократия позволяет достичь подлинного всеединства, солидарности церквей, наций и классов. В условиях теократии в полной мере реализуются христианские нормы, свобода и любовь становятся основой взаимоотношений людей, торжествует социальная справедливость, устанавливается “добрый христианский мир”. Соловьёв отождествляет понятия “теократия” и “Вселенская церковь” (церковь, не знающая национальных и государственных перегородок). Теократия – это и есть Вселенская церковь, возглавляемая Иисусом Христом. Невидимая часть этой церкви – Царство Божие – пока недоступна человечеству в силу его несовершенства. В видимой, зримой церкви Иисус Христос действует через человеческих посредников в лице первосвященника, царя и пророка. Соответственно, социально-политическая структура теократии представляет собой “богочеловеческий союз” церкви (она даёт людям веру и благочестие), государства (следит за соблюдением законов и вос-

становливает справедливость) и пророка (будучи орудием Святого Духа, указывает обществу путь к Царству Божию). Предполагается, что эти три власти, выражая волю Бога, едины и солидарны между собой в своей главной задаче – привести человечество к Царству Божию.

Из перечисленных трёх элементов теократии церковь – важнейший, основной. Теократия привлекает Соловьёва как раз тем, что в случае её установления осуществляется полное воцерковление общества, все социальные институты и процессы подчиняются церкви в лице римского папы. В условиях теократии человек воспринимает себя прежде всего как члена церкви, и лишь во вторую и третью очередь он ощущает свою принадлежность к семье, государству, нации, корпорации и т.д. Для воцерковлённого человека религиозная норма – высшая, слово церкви и первосвященника – ведущий регулятор его повседневного поведения.

Государство – второй элемент теократии – должно принять форму монархии, которая, по Соловьёву, в наибольшей степени соответствует иерархической структуре Вселенской церкви: отношения в государстве есть слепок отношений в церкви. Власть главы государства понимается как делегированная Иисусом Христом, как особое служение Богу. Христианская монархия есть самодержавие совести: в управлении государством монарх руководствуется личной нравственной установкой, религиозной нормой и мнением церкви.

В условиях теократии главная задача государства – приближение Царства Божиего, подготовка человечества к переходу в состояние Богочеловечества. С этой целью государство обязано бороться с мировым злом, проявляющимся тройко: 1) посягательство одной нации на существование или свободу другой; 2) угнетение одного класса другим; 3) преступление, совершаемое частным лицом. Соответственно, для христианского государства недопустимы: 1) завоевательные войны; 2) гражданское и экономическое рабство (политическое бесправие и эксплуатация одного класса другим); 3) применение уголовного наказания, основанного на чувстве мести.

Соловьёв очень скупо говорит о третьем элементе теократии – пророке. По-видимому, он понимает пророчество в традиционном для христианской догматики смысле: предвидение, предсказание каких-либо событий и их исполнение. Пророк – это человек, которому даётся откровение Божие, через него люди узнают о воле Бога, о божественной предопределённости мира,

⁸ См.: Соловьёв В.С. Россия и Вселенская церковь. Минск, 1999. С. 280 – 284.

в том числе социального. Пророки указывают путь развития общества и вследствие этого являются одной из главных опор теократии.

В теократии власть осуществляется Иисусом Христом, но не непосредственно, а опосредованно через первосвященника, царя и пророка. Соловьёв подчёркивает, что, поскольку все три власти имеют один источник – Иисуса Христа, постольку церковная, государственная и пророческая власти представляют собой единое целое. Так как в церкви преобладает божественное начало, а в государстве – человеческое, наличие внутренней связи между ними есть необходимость, объективный процесс становления Богочеловечества. Соловьёв придерживается сформулированного отцами Восточной церкви принципа “симфонии властей”, “неслиянного и нераздельного” существования церкви и государства. Глава христианского государства считается духовным сыном первосвященника, послушным членом церкви, но юридически от неё независимым. Церковь обладает духовным авторитетом, задаёт цель государству, которое осуществляет принудительную власть во исполнение этой цели⁹.

Теократический проект много внимания уделяет вопросам собственности и организации хозяйства. Исходный тезис Соловьёва звучит так: собственность и в целом экономика оправданы лишь в той мере, в какой в них воплощаются воля Бога, нравственное начало. Экономика и собственность должны служить делу всеединства. Подлинной основой труда является не своекорыстие или личный интерес, а общее благо (даже не благо большинства). В этом смысле труд есть обязанность исполнения воли Божией.

Вместе с тем теократия не исключает социального неравенства, где сохраняются конкуренция и дуализм труда и капитала. Человек в нём занимает место в зависимости от своего личного вклада в общее дело. Если в церкви человек – всегда цель, рассуждает Соловьёв, то в государстве и экономике он ещё и средство. Поэтому, чем важнее человек как средство, тем выше его социальный статус. Материальное благосостояние есть средство, но не цель, поэтому идея христианской любви не требует, чтобы все были богаты. Любовь требует, чтобы материальное богатство служило целям всеединства. Соловьёв считает допустимым распределение крупной собственности в зависимости от личного достоинства. Будет справедливо, утверждает он, если “обширнейшими материальными средствами” станут обладать

люди, стоящие на высшей ступени личного достоинства, в которых идея всеединства победила личный эгоизм. Очевидно, делает вывод Соловьёв, что они используют своё богатство во благо всего общества.

Соловьёв одинаково критично настроен и к капитализму, и к социализму. Он полагает, что их объединяют общий буржуазный дух, стремление к обогащению, материальные ценности в этих системах возводятся в абсолют, становятся культом. При капитализме и социализме теряется идея добра как цель, человек воспринимается как средство, как единица экономического процесса. Социализму и капитализму Соловьёв противопоставляет теократию как справедливо устроенное общество, где господствует стремление попасть в Царство Божие, а не дух стяжательства.

В целом же экономические воззрения Соловьёва отличаются волонтаризмом. Он полагает, что объективные экономические законы – это метафизическая фикция. В основе экономики лежит не эгоизм человека, а уровень его нравственности. Нравственная воля и служащее ей сильное государство – вот основные рычаги реформирования экономики. Отсюда становится понятной экономическая функция государства в теократии Соловьёва.

Соловьёв называет свой политический проект “свободной теократией”, стремясь тем самым подчеркнуть, что отношения людей при данном строе основываются на принципах свободы и любви. Предполагается, что человек, в результате свободного самоопределения придя в церковь, став человеком церковным, добровольно берёт на себя обязанность соблюдать религиозные, нравственные и правовые нормы. Отсюда вытекает такое важнейшее качество члена теократического общества, как смирение, стимулирующее личность к самоограничению во всех сферах её жизни и деятельности. Иными словами, теократия – общество не свободного раскрепощения человеческих сил, а свободного самоограничения и самообязывания. Теократия представляет собой общество, где присутствуют грех и человеческое несовершенство, требующее принудительной силы в лице государства. Провозглашаемая Соловьёвым свобода как ведущий принцип организации теократии вступает в противоречие с насилием, исходящим от государства. Как точно отметил Е.Н. Трубецкой, “свободная теократия” – такой же абсурд, как “круглый квадрат” или “деревянное железо”. В теократии удивительным образом уживаются “свободное соединение Бога и человека” и церковно-принудительный строй, свобода

⁹ См.: Соловьёв В.С. Соч. В 2-х т. Т. 2. С. 242–245.

совести и преследование еретиков, неограниченная власть монарха и “общественная свобода”, равноправие наций и мессианская роль русского народа¹⁰.

Мессианская роль России

История знает немало примеров, когда тот или иной народ считал себя исключительным, выдвигая претензию на особую роль в мире или, как минимум, в регионе. Восприятие народом себя как некоего исключительного явления вполне естественно и даже оправданно, так как каждый народ, каждый этнос действительно уникален. Другое дело, что не каждый народ, ощущая свою исключительность, готов провозгласить это перед всем миром, сделать программой своего исторического поведения, проводя ее в жизнь военными, политическими, экономическими или иными средствами. Как справедливо заметил монархист и консерватор И.Л. Солоневич, каждая нация хочет стать империей, и если она этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Возложение народом на себя мессианской роли есть проявление его пассионарности, готовности идти на жертвы ради поставленных целей. Если сказать по-другому, мессианизм – это густо замешанный национализм, бьющий через край энергией и волей. Только нации с мессианским мироощущением создавали великие империи и мировые религии, определяли ход мировой истории.

Поскольку русский народ – одна из таких наций, неудивительным выглядит тот факт, что мессианская роль России – стойкий императив национального сознания. Русский мессианизм проявил себя в движении староверов, не пожелавших жить “по указке из Европы”, в деятельности русских царей по расширению границ отечества на запад, юг и восток, в строительстве Петром Великим модернизированной империи, в экспансионистской политике советской власти.

Уже в конце XV в. старец Филофей провозгласил мессианскую идею в своей мифологеме “Москва – третий Рим”. Славянофильницы поняли мессианскую роль России как хранителя истинной христианской веры – православия, призванного, по их мнению, стать средством обновления мира. Идея богоизбранности русского народа в полный голос звучит в романах Ф.М. Достоевского. Русский “народ-богоносец”, считал он, своей жертвенностью и отрешенностью от мира сего

должен показать пример подлинно христианской жизни, дать миру надежду на воссоединение с Богом. Русским мессионизмом пронизана идеология наших радикальных социалистов – народников и большевиков, которые видели в России оплот будущего социалистического преобразования мира.

На этом фоне мессианизм Соловьёва не выглядит ни случайным, ни экзотическим явлением. В его концепции теократии идеи мессионизма и империи соединяются.

Доводы Соловьёва, предложенные им с целью доказать мессианскую роль России в деле создания теократии, следующие. Во-первых, русский народ религиозен и склонен к мистике, в его истории были факты подлинного пророчества. В определённом смысле Соловьёв считает русский народ богоизбранным: иногда он способен давать примеры истинного богообщения, что вселяет в него великую скрытую силу национального духа. Во-вторых, русский народ всегда тяготел к образованию великой национальной монархии, т.е. неявно стремился к построению всемирной теократии. И наконец, в-третьих, российская монархия представляет собой огромный и сплочённый организм, способный решать грандиозные задачи. Но все эти превосходные качества России существуют для Соловьёва скорее в потенции, в идеале, но не в действительности. Реальная императорская Россия – это, по Соловьёву, царство антихриста, проявляющееся в порабощении государством церкви и “тупом национализме”. Только преодолев эти недостатки, Россия, полагает философ, сможет исполнить свою историческую миссию.

Ещё в ранней работе “Три силы” Соловьёв (ему тогда было 24 года) отстаивал мессианскую роль России. Молодой философ утверждал, что современный мир включает в себя три основные культуры, три главные силы человечества: мусульманский Восток, западную цивилизацию и славянский мир. Если мусульманский Восток подавляет личность и утверждает бесчеловечного бога, а западная цивилизация рождает безбожного человека, то славянский мир (его главный представитель – русский народ) потенциально содержит в себе способность гармоничного единения человека с Богом. Первые две силы уже совершили полный круг своего развития, тогда как Россия призвана открыть новую эру в истории человечества¹¹.

Позднее Соловьёв продолжал развивать аргументацию в пользу мессианской роли России, но отказавшись уже от противопоставления цивили-

¹⁰ См.: *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С. Соловьёва. Т. 1–2. Т. 1. М., 1995. С. 540, 542.

¹¹ См.: *Соловьёв В.С.* Соч. В 2-х т. Т. 1. С. 28–30.

заций (хотя рецидивы можно найти и на заключительном этапе творчества философа). По его мнению, основной смысл “русской идеи” (т.е. исторической миссии России) состоит в том, чтобы, отвергнув национальный эгоизм, стать подлинно христианским государством, объединить все народы во всемирную теократию, дать Вселенской церкви политическую власть, необходимую ей для спасения и возрождения Европы и всего мира.

Имперская идея, война и национальный вопрос

Имперское сознание русских – одна из наиболее сильных и энергичных доминант отечественной истории. Имперская идея всегда жила в сознании русского общества, объединяя верхи и низы, правых и левых, либералов и консерваторов. Она формируется в эпоху Московского царства (XIV–XVI вв.) в процессе борьбы с монголами за создание единого централизованного государства. Похоже, евразийцы были правы, утверждая, что именно империя Чингисхана привила русским ощущение континента, стремление господствовать на территории Евразии и быть ее объединителем, т.е. заложила основы будущей русской империи. Со времен борьбы с монголами и вплоть до позднего СССР Российское государство существовало и развивалось исключительно как империя, включая в свой состав новые территории и другие народы. Быть русским всегда означало быть империалистом, как когда-то так откровенно и четко сформулировал консервативный либерал П.Б. Струве в своей знаменитой статье “Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества”¹².

Возврат к русскому консерватизму неизбежно влечет за собой активизацию имперской идеи, что так пугает страны Запада, руководство бывших союзных республик и нерусские народы современной России. Высказывается мнение, что имперская идея русских – это фантомная боль, наступившая после утраты ими последней империи – СССР. Русским, советуют на Западе, следует изжить этот исторический комплекс, мешающий строить миролюбивое либеральное государство, тем более что ресурс (материальный, технологический, демографический, волевой) исчерпан: современная Россия не способна претендовать на роль империи. Приводится пример Великобрита-

нии, Германии, Японии, Турции, сумевших преодолеть в себе имперские амбиции.

Признавая катастрофическое ослабление русского народа и его государственности, нельзя отрицать очевидного: имперская идея – императив нашего национального сознания, который вряд ли будет преодолен в обозримом будущем.

Соловьёв также во многом находится во власти имперского сознания, отстаивает идею великодержавия России, что нередко вступает в противоречие с его исходными взглядами на национальный вопрос. Он полагает, что существующие в рамках Российской империи нации и народности не должны подтачивать её мощь. Соловьёв выступает за сильное Российское государство. Слабость государственной власти может привести, по его мнению, к “великим бедствиям”. Вот весьма характерное высказывание Соловьёва: «Что касается до России, то, не говоря о княжеских усобицах и о кулачных “народоправствах”, те дикие инородческие элементы, которые Московское царство и всероссийская империя с таким трудом и постепенностью оттесняли всё далее и далее к пределам страны, без сомнения, более покорились, чем переродились, и, если бы на закавказской, туркестанской и сибирской границах штык и пика – избави Боже – исчезли или ослабели, всякому моралисту пришлось бы сразу понять истинную ценность этих превосходных учреждений».

Подлинная империя, по Соловьёву, – это не только завоевание и система подчинения колоний метрополии, это еще и политика примирения наций и народов, создание условий для относительно гармоничного их сосуществования. Все народы, отмечает он, соединены общностью происхождения от Адама и Евы и в перспективе опять должны вернуться к состоянию единства в форме всемирной теократии. Соловьёв признаёт, что между нациями существует вражда как зоологический факт, но он убеждён в победе христианских ценностей над национальным эгоизмом. После появления Иисуса Христа, который заповедовал любить все народы как свой собственный, стало очевидно, что смысл существования нации лежит не в ней самой, а в человечестве. Единственной целью любого народа является его участие в жизни Вселенской церкви. Не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом “вселенской истине” не могут и не должны называться христианами. Вместе с тем Соловьёв полагает, что национальные различия сохранятся и даже усилятся. Основное средство преодоления

¹² Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 50–63.

национального эгоизма он видит в христианском смирении, в проявлении нравственной воли.

В национализме Соловьёв усматривает одну из основных угроз для России. По мнению философа, уже в средневековье сформировался “слепой национализм” Московского царства, который в какой-то мере был преодолен “просвещённым патриотизмом” Петра I. Соловьёв резко критикует национальную политику современного ему Российского государства: “Нельзя безнаказанно написать на своём знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев”¹³.

Проблема войны также связывается Соловьёвым с идеей империи. Несмотря на его общую гуманистическую установку, философ – противник пацифизма, который, по его мнению, является оборотной стороной анархизма и отсутствия чувства гражданства. Для него война есть зло не абсолютное, а относительное (здесь чувствуется влияние Гегеля), она выступает средством установления мира. Он позитивно оценивает завоевательные войны (например, Римской империи или Александра Македонского), поскольку они расширяли круг мира, внутри которого войны были исключены. Данная мысль ценна для Соловьёва, так как подтверждает, с его точки зрения, логику объединения мира в единую империю (а это уже реальная основа для организации теократии). Войны, по Соловьёву, неизбежны вплоть до второго пришествия Иисуса Христа. Поэтому он выступает за необходимость сохранения вооружённых сил и установления воинской обязанности.

В истории человечества, по Соловьёву, войны всегда имели одну географическую закономерность: борьба Запада и Востока. В будущем человечество ожидает последняя глобальная и самая разрушительная война между Европой и монгольской Азией (прежде всего Китаем), в которой победившая сторона установит окончательный мир во всём мире. Соловьёв был убеждён в том, что “мирное включение жёлтой расы в круг общечеловеческой культуры в высшей степени невероятно”¹⁴. Интересно отметить, что до конца своей жизни философ испытывал панический страх перед “жёлтой угрозой” и часто находился по этой причине в глубокой депрессии.

¹³ Соловьёв В.С. Соч. В 2-х т. Т. 2. С. 238.

¹⁴ Соловьёв В.С. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 478.

Государство, право и права человека: трактовка христианского гуманиста

Политические, правовые и социологические воззрения Соловьёва, взятые в системе теократической утопии и вне её, значительно отличаются. Если в теократическом проекте Соловьёв нередко предстаёт в качестве консерватора, стремящегося сохранить ценности средневекового христианства, то, рассуждая о государстве, праве и других социальных явлениях безотносительно к теократии, он выглядит типичным русским либералом, сторонником правового государства.

Вместе с тем необходимо понимать, что русский либерализм, существенно отличаясь от западноевропейского (аутентичного), всегда страдал эклектизмом, маргинальностью, компромиссным и нереволуционным характером. Программа либералов начала XX в. (стоявшая ближе всего к западным образцам) неизменно включала в себя значительный консервативный компонент: монархическое государство, господство православия, подчиненность юридических процедур православным ценностям. Деятели партии кадетов не мыслили правовое государство в России без опоры на Русскую Православную Церковь и авторитет царя. В этом смысле русский консерватизм разительно отличался, например от английского. Если английское общество хранило традиции, заложенные Великой хартией вольностей и парламентской демократией, то русский консерватизм предлагал освященное православием самовластие Московского царства.

Либерал Соловьёв во многом тяготел именно к этим, византийско-московским, ценностям, что говорило о нем как о носителе русских архетипов. Современная либеральная власть в России также настроена воспринимать правовое государство и демократию через призму русской православной архаики. Следствие такого подхода – известная близость к авторитаризму средневекового покроя.

Рассматривая государство с общесоциологических позиций, Соловьёв определяет его как воплощённое право¹⁵. Государство выводит человека из звериного состояния в сферу собственно человеческую, сферу культуры. Сдерживая мстительные инстинкты толпы, оно выступает необходимым условием прогресса. В государстве находит историческое воплощение человеческая солидарность, оно является необходимым условием осуществления добра в мире и поэтому носит нравственный характер. Общее благо требует, чтобы противоположные силы уравнивали

¹⁵ См.: там же. С. 461.

друг друга, а их борьба не переросла в насилие. В этом смысле государство есть договор, воплощённая справедливость, равновесие общественных интересов. Существенным признаком государства Соловьёв считает его светский характер, свобода совести должна быть гарантирована, а церковь – отделена от государства. Государство не вправе вмешиваться в духовный мир человека.

Соловьёв – сторонник теории естественного права, понимаемого в духе кантианства и христианской этики. Он обосновывает ценность личности с позиций христианского персонализма: поскольку для Иисуса Христа каждый человек бесконечно дорог, постольку религиозно-нравственный принцип защиты всякой личности не знает исключений. Права человека, вытекающие из божественной и нравственной природы человека, полагает он, должны не просто оставаться нравственной категорией – их следует юридически защищать с помощью принудительной силы государства.

Право, по Соловьёву, имеет свою абсолютную основу в Боге, религиозные и моральные нормы определяют содержание норм правовых. Право – это связующее звено между религией и нравственностью, с одной стороны, и государством – с другой. Принудительность права не противоречит требованию религии и морали. Философ отмечает: “Ссылаться на благодатную силу Провидения, долженствующую удерживать и вразумлять злодеев и безумцев, есть не более как кощунство; нечестиво возлагать на Божество то, что может быть успешно сделано хорошей юстицией”¹⁶.

Характерная черта правовых воззрений Соловьёва – их панэтический характер. Центральная категория этики Соловьёва – добро, пронизывающее всё мироздание, человека, общество и его институты. Поскольку добро обладает свойством универсальности, лежит в основе всего сущего, Соловьёв (подобно Гегелю) включает в понятие нравственности практически всю социальную проблематику (основы общественного устройства, соотношение личности и общества, государства и церкви, вопросы психологии, права, государства, экономики, национальных отношений, истории человечества).

Добро представляет собой сферу должного, имеющего трансцендентную природу и соединяющее человека с Богом.

По Соловьёву, право – проявление добра, часть нравственного мира. “Право есть принудительное требование реализации определённого минимума добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла”¹⁷. Задача права состоит вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад. Поскольку человек – существо несовершенное, ему, по мнению философа, необходимо дать свободу быть безнравственным (но в известных пределах). Вместе с тем Соловьёву очевидно, что подлежащий принудительному осуществлению “минимум добра” в разные эпохи не может быть одинаковым и зависит от степени соотношения личной свободы и общего блага. Поэтому философ предлагает ещё одну формулировку права: “Право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага”¹⁸. Право, как полагает он, – это всегда баланс частного интереса и интереса общественного. Защита индивидуальных прав может быть гарантирована только обществом, а значит, с его интересами необходимо считаться. При этом под общими интересами, или общим благом, Соловьёв понимает не благо большинства, а благо всех отдельных лиц без исключения.

Правовые воззрения Соловьёва, так же как и политические, противоречивы. Его правовая теория – это попытка включить либеральные кантианские идеи в консервативный контекст собственного теократического идеала. К изложенным выше в целом либеральным теоретико-правовым положениям он делает одно существенное добавление, которое едва ли их не перечеркивает. Соловьёв утверждает, что подлинный прогресс права и его нормальное функционирование возможны лишь при наличии христианского самодержца. В этом случае авторитет и мнение неограниченного в своей власти монарха фактически оказываются выше права.

¹⁶ Там же. С. 451.

¹⁷ Там же. С. 450.

¹⁸ Там же. С. 453.